Г 77 170 148

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ.

СЕРДЦЕ ВЪ ПЕРЧАТКѢ.

Кн-во „Мезонинъ Поэзіи".

ОЦК

Чторуй.

Обложка работы Н. Гончаровой.

С. И. Боброву
отъ автора.
Москва
ИВ. декабрь.

Константинъ Большаковъ.

Г 77 7/148

СЕРДЦЕ ВЪ ПЕРЧАТКѢ.

...Et celles dont le coeur gante six et demi.

Jules Laforgue.

Кн-во „Мезонинъ Поэзіи“.
1913.

203

ГОСУД. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 13452
6 - XI - 1929
БИБЛИОТЕКА

Тип. «Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ». Б. Никитская, 9.

Сердце въ перчаткѣ.

Посвященіе.

По тротуару сердца на тротуары улицы,
Въ тюль томленья прошедшимъ вамъ
Надъ сѣнью вечера, стихая надъ стиховъ амур-
ницей,
Серпъ—золоченымъ словамъ.
Впетличивъ въ сердце гвоздичной крови,
Синеозеритъ усталымъ взоромъ бульваръ.
Всѣмъ, кого солнце томленьемъ въ постелѣ ловитъ,
Фруктъ изрубинитъ вазный пожаръ.
И, вамъ, о, единственная, мои стихи пригото-
вленны—
Метръ д'отель, улыбающій равнодушную люстру,
Развѣ можетъ заранѣе ужинъ условленный
Съимпровизировать въ улыбаться искусство,
Чтобъ взоры были, скользя колѣней, о, нѣтъ, не
близки,
А вы, какъ вечеръ, были ласковая.
Для васъ, о, единственная, духи души разбрызгалъ,
Когда вы роняли улыбки, перчатку съ сердца
стаскивая.

Сердце въ перчаткѣ.

Грезная ванна.

Въ ванну грезную окунули мысли,
Въ ваннѣ грезной потопили мечты.
Въ пудреницѣ сердца мечты сплелись-ли?
Мыслить лѣнью лѣнятся глазъ цвѣты.

Едва странно ванну душить духами
Лилій розовыхъ и своихъ грудей.
Въ ваннѣ грезной розовыми стихами
Пудрить лилій въ пудреницѣ затѣй.

Въ ваннѣ грезной сладко разсыпать бисеръ,
И потупить нѣжно лукавый взоръ,
И вступить въ дѣйствительность, какъ на рысій
Тотъ коверъ, что передъ вами себя простеръ.

2.

Мягко въ моторѣ взорили сердце.
Мягко коснулись кожей перчатки.
Смѣхомъ труверить. Сладко смотрѣться.
Сладко труверить... „Скучно вы сладки“.

Скучно повѣрить только въ возможность,
Шпильте гвоздикой трепеть загрезный.
Такъ невозможно—быть осторожной,
О, улыбнитесь, вы не серьезны.

Стрѣлить во взорѣ нѣжностью синей,
Мягко въ моторѣ плыли догадки.
Сердце, подъ гримомъ блѣднѣя, стынетъ
Въ вашей душеной гвоздикой перчаткѣ.

Сердце въ перчаткѣ.

Иммортель.

Вы растрелили пудренное сердце,
Оклонясь на медлительности рѣчной.
Опрокинясь тюль улицъ вертѣться,
Вы смотрѣли на лица взора встрѣчныхъ.

Вы вошли на осенній цвѣтникъ изъ проститутокъ,
Тюль разсвѣта вуалью соблазнили,
Потому что вертѣться вѣки сомкнуты,
Потому что вертѣться въ тюль автомобили...

Ваши взоры сомкнуты—плыли тюль минуты.
Потому что вертѣться грезится сердце,
Потому что вертѣться (ахъ, не надо блѣднѣться)
Вы вошли на осенній цвѣтникъ изъ проститутокъ.

Сердце въ перчаткѣ.

Аэромечта.

Взмоторить вверхъ, уснуть на пропеллерѣ,
Уснуть, сюда, сюда закинувъ голову,
Сюда, сюда, гдѣ съ сѣрымъ на сѣверѣ
Слилось слѣпительно голубое олово.

На шумѣ шмеля шутки и шалости
На воздухъ стынущій въ мѣха одѣтые
Мы бросимъ взятой съ земли на землю кусочекъ
жалости.
Головокружась въ мечтахъ кометами.

И вновь, какъ прежде, уснувъ на пропеллерѣ,
На шумѣ шмеля шутки и шалости,
Мы спустимся просто на грезномъ вѣерѣ
На брошенный нами кусочекъ жалости.

Сердце въ перчаткѣ.

Нѣсколько словъ къ моей памяти.

Я свой пиджакъ повѣсилъ на луну.
По небу звѣздъ струятъ мои подошвы,
И слѣдъ ихъ окунулся въ тишину.
Въ тѣнь рѣзкую. Тогда шептали ложь вы?

Я съ давнихъ поръ мечтательно плевалъ
Надгрезному полету въ розы сердца,
И губъ моихъ рубинящій кораллъ
Васъ покорялъ въ цвѣту мечты вертѣться.

Не страшно вамъ, не можетъ страшно вамъ
Быть тамъ, гдѣ вянетъ садъ мечты вчерашней,
И наклоняются къ алмазящимъ словамъ
Ея грудей мечтательныя башни,
Ея грудей заутреннія башни.

И вечеръ кружево исткалъ словамъ,
И вечеръ остріе тоски нащупалъ,
Я въ этотъ мигъ вошелъ, какъ въ древній храмъ,
Какъ на вокзалъ подъ стекло-синій куполъ.

Сердце въ перчаткѣ.

6.

Вы носите любовь въ изысканномъ флаконѣ,
Въ граненномъ хрусталѣ смѣющейся души.
Въ лазурныхъ розахъ глазъ улыбка сердца тонетъ,
Въ лазурныхъ розахъ глазъ—бутоны розъ тиши.

Духи стиховъ въ мечту, плѣнительныхъ въ изыскѣ,
Проливъ на розы глазъ въ лазурныхъ розахъ
глазъ,
Вы прошептали мнѣ, вы прошептали близко,
То, что шептали вы, о, много, много разъ.

Вы носите любовь въ изысканномъ флаконѣ,
Въ граненномъ хрусталѣ смѣющейся души.
И запахъ розъ мечты моей не похоронитъ,
Что прошептали вы, что сказано въ тиши.

Сердце въ перчаткѣ.

7.

Розовымъ ногтямъ твоей души
Лепестки души духи приносятъ.
Сердце голубой тишины,
О, не бойся.
Лицо исхлестано нѣтомъ чулокъ.
Клокъ души задавленъ вашимъ ботинкомъ.
Смѣлѣе велѣли выпить у ногъ
Изъ вашего сердца секунду напитка.
Громче, пожалуйста. Люстра звенитъ.
Муссъ поцѣлуевъ вамъ скученъ.
Часъ въ сюртукѣ парадномъ—женихъ.
Брошенъ мой случай.

Очень длинный вечеръ.

Брюнетя взоромъ долго изъ-за рояля,
Въ сердцѣ построили витрину обуви.

Сердце въ перчаткѣ.

Полночь.

Пробило полночи костлявыя ребра,
Двѣнадцать часовъ перебрали скелетъ,
И голый черепъ сталъ безконечно-добрымъ,
И въ немъ сквозилъ надушенный поэтъ.

А дьяволъ-секунда въ красной маскѣ,
Хохоча, наливала въ стаканъ вино,
И блестки брызгъ люстрили ласки,
Говорили шопотомъ о винѣ иномъ.

Вы съ хохотомъ оттолкнули секунду,
И отвергнутый Дьяволъ, проваливаясь, хохоталъ.
Звенѣли и пѣли на каждой изъ струнъ—дамъ
Новыя секунды, наливаясь въ бокалъ.

Городская весна.

Эсмерàми, вердòми трувѐритъ весна,
Лисилѐя полей элилòй алиѐлитъ.
Визизàми взàми сиуетъ тишина,
Поцѣлуясь въ тишѐнныя вѐрелюэ трели,
Аксимѐю, оксàми зизàмъ изо сна,
Аксимѐю оксàми засимъ изомѣлитъ.
Пѣнясь ласки велѐми велàмъ велена,
Лилалѐтъ алилòвыя вѐлеми мѣли.
Эсмерàми, вердòми трувѐритъ весна.
Алиѐль! Безкрылатость надкрылій пропѣли.
Эсмерàми, вердòми трувѐритъ весна.

Сердце въ перчаткѣ.

Августу.

И снова ты, ничуть не измѣнившійся,
Отъ пять такой же юный до чела,
И темный взоръ, навѣки чѣмъ илѣнившійся,
Колеблетъ струны глазъ, какъ черныхъ два крыла.

И снова ты съ задумчивой улыбкою
На розахъ усть, бутонахъ розъ тугихъ,
И мраморитъ надъ синевою зыбкою,
Чуть розовѣя, мраморъ плечъ нагихъ.

И снова ты, и на груди цѣлованной
Мой поцѣлуй отмѣтили сосцы.
Такой же юный, ты пошли уловы намъ,
Твоей мы ночи ранніе косцы.

Изъ зелени пропыленной заглядывай
На улыбнувшійся тобой бульваръ.
Смѣясь, идешь трамвайной проволокой обрадовать,
Мой Августъ, на избитый тротуаръ.

Interieur.

Разговоръ, давно уже въ трауръ одѣтый—
Подъ бронзовымъ пресъ-папье. Вечеръ былъ
сѣрый.
И шагали, шагали ваши мысли по кабинету
Отъ камина до безмолвной портьеры.

О, если бы сердце отвѣтомъ не укололось,
Вѣдь вы ждали же, что хоть немного потеплѣетъ.
Укутываетъ тишина, укутала вашъ голосъ,
Лишь ваше фишю несогласіемъ въ углу бѣлѣетъ.

Сердце въ перчаткѣ.

Это радость безмолвія. Вечеръ—истасканный
модникъ—
Развѣ можно слишкомъ усталымъ взоромъ бороться?
Все будетъ, какъ было, и завтра похоже на сегодня.
И тоноручится завтра, какъ сегодня, уродцемъ.

Вернисссажъ осени.

Осенней улицы всхлипы вы
Сердцемъ ловили, сырость лаская.
Фольгу оконъ кофейни Филиппова
Блѣститъ брызги асфальтомъ Тверская.

Дымные взоры рекламы теребятъ.
Ахъ, восторга не надо, не надо...
Золотыя пуговицы рвали на небѣ
Звѣзды, брошенныя вашимъ взглядомъ.

И вы скользили, единственная, по улицѣ,
Брызгая взоромъ въ синюю мглу,
А тамъ, гдѣ сумракъ, какъ ваши взоры, тюлится,
За вами слѣдила секунда на углу.

И гдѣ обрушились зданья въ провалы
Минутной горечи и сердца пустого,
Вамъ нагло въ глаза расхохоталась
Улыбка красная рекламы Шустова.

Сердце въ перчаткѣ.

Фабрика.

Трубами фабрикъ изъ угольной копоти
На моихъ рѣсницахъ грусть чернаго бархата
Взоры изъ злобы медленно штопаетъ,
Въ сѣрое небо сердито харкая.

Пьянѣющій паръ, прорывая двери пропрѣлыя,
Сжалъ бѣло-сѣрыя стальные бицепсы.
Ювелиры часы кропотливые дѣлаютъ.
Тысячеговорной фабрики говоры высыпьтесь.

Мигая, сконфузилось у воротъ электричество,
Усталостью съ сѣрымъ днемъ прококетничавъ.
Цѣлыя сутки ауденція у ея величества,
Великолѣпнѣйшей изъ великолѣпныхъ Медичей.

Вадиму Шершеневичу.

Вы, хрупкія струны, какъ пальцы, сжались.
Декольтированныя секунды, какъ смычки,
Подняли нервы, разбѣжались въ вальсѣ,
А капельмейстеръ-вечеръ протеръ очки.

Сдвигались ширмы неслышной полночи,
И вазу неба опрокинула ночь,
А въ вашей петлицѣ въ желтый подсолнечникъ
Хризантэма перерядилась на ночь.

И секунды-смычки съ визгомъ на части
Распиливали сердце и, чтобъ помочь имъ,
Вы сняли смокингъ съ мечты, ботинки со счастья.
Вы, мастеръ, ювелиря сердца кусочекъ.

Сердце въ перчаткѣ.

Святое ремесло.

Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло.

К. Павлова.

Давно мечтательность, трувера, кончена,
И вморфлена ты, кровь искусства.
Качнись на площади, пьянь, обыденщина,
Качайся, пьяная, качая вкусъ твой.

Давно истерлось ты—пора румяниться,
Пора запудриться, бульваромъ грезя,
И я, твоихъ же взоровъ пьяница,
Пришпилю слезы къ бумажной розѣ.

Шаблонъ на розу! Ходи выкликивай.
Шаговъ качающихъ ночь не морозитъ;
О, не одинъ тебѣ подмигивалъ.

Сердце въ перчаткѣ.

17.

Милостивые государи, сердце разрѣжьте,
Я не скажу ничего,
Чтобы быть такимъ, какъ былъ прежде,
Чтобъ душа ходила въ штатской одеждѣ
И, раздѣвшись, танцовала танго.

Я не скажу ничего,
Если вы броситe сердце, прощупавъ,
На тротуарное зеркало-камень,
Выбреете голову у сегодня-трупа,
А завтра едва ли зайдетъ за вами.

Сердца, изъ-подъ сардинокъ пустыя коробки,
Свѣсьте, отправляясь на бульвары
Волочить вуаль желаній, втыкать взорныя пробки
Въ небесный пологъ, дырявый и старый.
Въ прозвѣздныя плюньте заплатки.
Хотите ли, чтобы передъ вами
Жонглировали словами?
На томъ же самомъ бульварѣ
Въ таксомоторѣ сегодня ваши догадки
Безплатно катаю, милостивые государи.

Эпилогъ.

Вы, зрители, слѣдите ли,
Откуда падаютъ цвѣты?

ОИК- 68205

ФУТУРИСТИЧЕСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЕЗОНИНЪ ПОЭЗІИ».

(Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, д. № 2, кв. 10.
Телеф. № 5-27-11).

Въ выпускахъ «Мезонина Поэзіи» принимаютъ участіе: Аббатъ-Фанферлюшъ, Грааль-Арельскій, С. Бекетова, Н. Бенедиктова, К. Большаковъ, Валерій Брюсовъ, Н. Гончарова (художница), Левъ Закъ (художникъ), Рюрикъ Ивневъ, Павелъ Кокоринъ, Борисъ Лавреневъ, Н. Львова, М. Моравская, Нелли, Петръ Погодинъ, Михаилъ Россіянскій, Михаилъ Сандомірскій, Н. Серпинская, Алексѣй Сидоровъ, Ѳедоръ Сологубъ, Игорь-Сѣверянинъ, Генрикъ Тастевенъ, Сергѣй Третьяковъ, Б. Фриденсонъ (художникъ), Владиславъ Ходасевичъ, Хрисанѳъ, Константинъ Чайкинъ, Вадимъ Шершеневичъ, Павелъ Широковъ и др.

Верниссажъ (выпускъ I).	35 к.
Пиръ во время чумы (выпускъ II)	35 к.
Крематорій здравомыслія (выпускъ III—IV) .	50 к.
Январьскія футурналіи (выпускъ V)	(готовится)
Вадимъ Шершеневичъ. Экстравагантн. флаконы	35 к.
Рюрикъ Ивневъ. Пламя пышетъ	35 к.
Конст. Большаковъ. Сердце въ перчаткѣ . . .	45 к.
Хрисанѳъ. Пиротехническія импровизаціи. . .	(готовится).
Борисъ Лавреневъ. Экзотическій Корабликъ.	(готовится).
Н. Львова. Поэзы	(готовится).
Павелъ Широковъ. Поэзы	(готовится).
С. Третьяковъ. Гамма—Лучи	(готовится).

Для личныхъ объясненій редакція открыта ежевоскресно отъ 2—4 час.

РЕПРЕЗЕНТЕРЫ:

Москва: Вольфъ, Кузнецкій. Вольфъ, Тверская. Карцевъ, Моховая. Наука, Бол. Никитская, Карбасниковъ, Моховая. Наука и Трудъ, Тверская. Образованіе, Кузнецкій. Современныя Проблемы, Б. Никитская, Тихомировъ, Кузнецкій. Освобожденіе, Никитская.

Петербургъ: Вольфъ, Гост. Дворъ. Карбасниковъ, Гостинный Дворъ. Лебедевъ, Литейный. Мелье, Невскій. Митюрниковъ, Литейный. «Новый Путь», Литейный. «Сѣверная Лира», Владимірскій. Ясный, Невскій.

Кіевъ: Оглоблинъ, Крещатикъ. Идзиковскій.

Харьковъ: Дредеръ, Московская.

Ростовъ на Дону: Лехно В. Б. Дмитріевская, 14, кв. 1.

Саратовъ: Суворинъ, Московская.

Рига: Трескина.

Редакторъ-издатель: **Е. Л. Львова-Шершеневичъ.**

45 к.

книги
Константина Большакова:

„Le futur“: Поэма. Рисунки Н. Гончаровой и М. Ларіонова. М. 1913. (въ продажѣ не имѣется).

Сердце въ перчаткѣ. Облож. Н. Гончаровой. К-во „Мезонинъ Поэзіи“. М. 1913. 45 к.

Типографія т/д. „Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ“, Москва, Б. Никитская, 9.